

Без Эрмяо их тесная компания из четверых сократилась до троих. Заднее сиденье велосипеда Юйцина теперь пустовало, да и в бильярдную они больше не заглядывали.

В доме у Жуньшэна никто не появлялся. Юйцин извёл Чжоу Хуэй просьбами позвонить его матери. Чжоу Хуэй в конце концов сдалась и набрала номер, но трубку взял незнакомец. Он объяснил, что у Сюй-цзун возникли неотложные дела, на работе она в последнее время не показывалась и когда вернётся — бог весть.

Юйцин даже бегал искать друга в Авиационный городок. Но и брат Дунмин лишь развёл руками — сказал, что уже много дней не видел Эрмяо. Юйцин совсем повесил нос. Дунмин попытался его утешить: предположил, что мальчишку, должно быть, увезли на родину родителей и через какое-то время он обязательно объявится.

Время летело; прошумели и остались позади четвертные экзамены. Маганьэр с треском провалился. Его мать тайком пришла в школу, разговорилась с учителем и только тогда узнала, что все рассказы сына о «дополнительных занятиях после уроков» — чистой воды враньё. Проследив за ним, она обнаружила оболтуса в зале игровых автоматов. Маганьэра, увлечённо лупившего по экранным монстрам, с позором выволокли оттуда за ухо.

Беда не приходит одна: вслед за Маганьэром полетел кувырком и Эрпан. Разъярённый отец снова гонял его тяжёлыми затрещинами по всему двору. Юйцину тоже перепало за компанию — правда, на него только поворчали, ведь уроки он делал исправно и в таблице у него не красовались двойки.

Чжоу Хуэй в итоге всё-таки записала сына на уроки скрипки. Ли Шуминь это не понравилось. Она попыталась мягко вразумить невестку, убеждая, что Юйфэнь и так уже неплохо играет, да и великими музыкантами им становиться ни к чему — не пора ли прекратить тратить деньги на эти занятия? Хоть они и жили в Сиреневом дворике, их достаток заметно уступал соседям. Искусство — дело ненадёжное и дорогое. Тянуть одного ребёнка ещё куда ни шло, но двоих их скромный бюджет просто не выдерживал.

Чжоу Хуэй возразила:

— Юйхуань в своё время тоже несколько лет учился играть на баяне. Кан когда-то говорил мне, что музыка развивает ум. У меня трое детей, и я не могу обделять кого-то одного. К тому же Юйфэнь действительно любит музыку, как я могу лишить её этого? Учительница Доу хвалит её талант и берёт за уроки совсем немного. А насчёт Доудоу — неважно, понравится ему скрипка или нет, я хочу, чтобы он хотя бы попытался поучиться несколько лет. Старшие учились, значит, и младшего обходить нельзя. Даже если это просто поможет ему получить дополнительные баллы на экзаменах в будущем. К тому же он может заниматься на старой скрипке Эръя. По правде говоря, мы и так пользуемся добротой учительницы.

Ли Шуминь всё равно осталась при своём мнении и недовольно проворчала:

— Ума не приложу, о чём ты только думаешь. Сама ведь из простой семьи, и мы люди простые

— к чему швырять деньги на весь этот шик? На эти средства можно купить столько полезных вещей! Юйхуань бросил свой баян через пару лет, инструмент теперь пылится в углу, продать его жалко. Думаю, и с Доудоу будет то же самое. А Юйфэнь — девчонка, даже если научится пикиать, разве станет она знаменитой артисткой? Похоронные деньги и пенсию по потере кормильца за Кана не на это нужно тратить. Посмотри на себя — в чём ходишь, когда ты себе в последний раз обновку покупала?

Чжоу Хуэй бросила взгляд на настенные часы и мягко, без тени раздражения, ответила:

— Мама, мне пора на работу.

Когда за невесткой захлопнулась дверь, Ли Шуминь тяжело вздохнула и пробормотала под нос:

— С виду такая тихая да ласковая, а упрямая как осёл — не перешибёшь.

Юйцин, уткнувшись носом в подушку, усердно притворялся спящим, хотя на самом деле уловил каждое слово. Только когда бабушка, поглубже натянув платок, ушла на рынок за овощами, он наконец перевернулся на спину, сел на постели и сиротливо вздохнул.

Эрмяо вернулся внезапно. За день до этого Юйцин засиделся допоздна за скрипкой и на уроке то и дело клевал носом. Учитель заметил его сонливость и вызвал отвечать. Из-за спины донёсся спасительный шёпот Маганьэра. Юйцин, не на шутку одуревший от дремоты, послушно выпалил подсказку.

Учитель поправил очки на переносице и со вздохом покачал головой:

— Надо же, поверил Маганьэру. Постой-ка пару минут у парты, Юйцин, авось голова прояснится.

Юйцин обиженно надул губы, а Маганьэр виновато развёл руками — мол, сделал всё, что мог, не обессудь. Одноклассники вокруг прыснули от смеха. Юйцин обречённо замер на месте, считая секунды, как вдруг краем глаза заметил движение за окном. По пустому школьному двору, направляясь к главному входу, шёл одинокий Эрмяо.

Звонок с урока прозвенел уже целую вечность назад, но математик упрямо игнорировал его, желая во что бы то ни стало закончить разбор сложного уравнения. Когда Юйцин с Маганьэром наконец вырвались в коридор и добежали до класса Эрмяо, уже затрепал призыв на следующий урок.

Всё, что Юйцин успел разглядеть через приоткрытую дверь — это белую полосу бинта, плотно обвивавшую голову друга.

Этот день вообще не заладился с самого утра. Сначала классный руководитель припрят

Юйцина переносить какие-то папки, а перед самым уходом домой его перехватил математик — настойчиво предлагал записаться на городскую олимпиаду. Из учительской он выбрался, когда коридоры уже опустели. Дверь кабинета, где учился Жуньшэн, оказалась заперта на ключ. Маганьэру нужно было спешить на вечерние курсы, так что он давно уехал, прихватив Эрпана на багажнике.

Юйцин наспех закинул ранец за спину и выбежал на улицу. Ему не терпелось поскорее добраться до дома и расспросить Эрмяо, поэтому он решил срезать путь дворами. Однако тропинка оказалась скользкой, покрытой замёрзшими ухабами. Пожалев о своём решении на полпути, он собрался свернуть обратно к проспекту, но в одном из глухих проулков наткнулся на местных хулиганов. Кучка малолетней шпаны окружила какого-то паренька, бесцеремонно выворачивая ему карманы.

Они уже выгребли у жертвы всё до последней монеты, и один из парней нагло похлопал его по щеке:

— А ты послушный, ублюдок. Что, Сияньэр тебе мозги вправил, сразу шёлковым стал?

Юйцин присмотрелся — батюшки, да ведь это же Эрмяо! Кровь мгновенно ударила ему в голову. Ещё не доехав до шайки, он заорал во всё горло:

— Атас, шухер! Милиция едет!

Шпана состояла из обычных семиклассников, так что угроза подействовала безотказно. Испугавшись, они бросились врассыпную. Юйцин лихо затормозил прямо перед Эрмяо и крикнул:

— Быстро, прыгай назад!

Жуньшэн растеряннo замер. И только теперь Юйцин разглядел, что половина его лица покрыта тёмными, почти чёрными корками запекшейся крови.

Крики про милицию были чистым блефом. Отбежав шагов на пятьдесят, малолетние бандиты оглянулись и поняли, что их развели как дурачков. Грязно ругаясь, они развернулись и кинулись обратно.

Юйцин изнывал от нетерпения:

— Да давай же, шевелись!

Жуньшэн наконец очнулся. Неловко, словно одеревеневшими ногами, он взобрался на багажник. Юйцину сейчас было не до ушибленного зада. Велосипед подпрыгивал на обледенелых колдобинах диким кроликом. Каким-то чудом они выбрались из лабиринта

закоулков, срезали путь через пару узких улочек и наконец выскочили на широкий проспект.

Буквально в трёх сотнях метров от дома старая шина не выдержала такой бешеной скачки и с тихим свистом спустила.

Благо у обочины ютилась будка жестянщика-веломастера. Юйцин оставил колесо на ремонт, а сам потащил Жуньшэна через дорогу — в закусочную «Нюдзи». Они взяли горячих пирогов с говядиной и густую овощную похлёбку. В детстве, когда Юйцин сильно болел и возвращался из больницы после изнуряющих капельниц, мама всегда приводила его сюда. Она ласково приговаривала, что мясо возвращает силы, а овощной бульон полон витаминов, так необходимых для выздоровления.

Зимой в этой старой закусочной всегда яблоку негде было упасть: обжигающие пироги и дымящийся суп спасали от любого мороза. Посетители шумно переговаривались, покрасневшие с холода лица светились довольством.

Один лишь Жуньшэн сидел неподвижно, уставившись в пространство потухшим взглядом.

Юйцин ополоснул палочки и тарелки кипятком, придвинулся поближе к другу и заглянул ему в лицо.

Очки на носу у Эрмяо были новые, одежда — тоже с иголки. И всё же парень выглядел жалко. Юйцин тихонько спросил:

— Откуда у тебя эти раны? Всё ещё болит?

Взгляд Жуньшэна медленно сфокусировался на собеседнике, но ответил он совсем не о том:

— Слушай... какая смерть, по-твоему, страшнее? Спрыгнуть с крыши или броситься под поезд?

Юйцин испуганно вздрогнул:

— Да обе жуткие! Смотреть тошно!

Жуньшэн как-то странно, глухо усмехнулся:

— Неужели и правда можно умереть от страха?

— Эрмяо, ты чего такое говоришь? — Юйцин сжал его холодные пальцы, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия. — Зачем тебе эти глупости? Не пугай меня так, пожалуйста. — Он перешёл на шёпот: — Твоя мама... она снова тебя била?

Жуньшэн промолчал.

— Ты только глупостей не делай! — затараторил Юйцин, впадая в панику. — Умирать — это ведь жутко больно, понимаешь? Кошмар как больно! По телеку же показывают: когда кого-то убивают, там кровища хлещет, бедняга мучается... Моя бабушка всегда говорит: если уж помирать, так во сне, тихо-мирно, как бабушка Эрпана. Вот это хорошая смерть.

— Я не боюсь боли, — едва слышно обронил Жуньшэн.

— Ещё как боишься! Помнишь, летом ногу подвернул? Потом неделю наступить на неё не смел, даже в туалет меня просил проводить.

В потухших глазах Эрмяо промелькнула слабая искра жизни:

— Да не просил я тебя меня водить.

— Ну вот, опять за старое! Ври больше, сам же ныл: «Юйцин, помоги дойти».

Жуньшэн приоткрыл рот, собираясь возразить, но тут подоспела запыхавшаяся официантка. Она с размаху водрузила на стол исходящие паром тарелки:

— Три пирога с говядиной, похлёбка! Забирайте скорее, пока горячее.

Юйцин поспешно придвинул тарелки поближе к другу:

— Налетай, а то остынет — невкусно будет.

Золотистая корочка свежеиспечённых пирогов поблёскивала от масла, источая аппетитный пар. Юйцин взял ложку, аккуратно помешал густую похлёбку, и над столом тут же разлился густой, сытный аромат пряных овощей.

Пока Жуньшэн заворожённо разглядывал угощение, Юйцин мимоходом вытер ладони о штаны:

— Давай разломлю, чтобы остывал быстрее?

— Не надо, ты руки не мыл, — поморщился Эрмяо, но в руки всё же взял палочки и аккуратно подцепил пирог.

После этого долгого отсутствия Жуньшэн неуловимо изменился. Юйцин чувствовал это всем сердцем, но никак не мог облечь это ощущение в слова.

Раны на голове у Эрмяо затягивались на удивление быстро. Уже через неделю с лица сошли последние тёмные корочки, а из школьного медпункта он вернулся без бинтов. Когда повязку сняли, Юйцин ахнул: в том месте волосы на затылке сбрили подчистую, обнажив уродливый, грубо зашитый шрам в шесть стежков.

Проплешина на затылке и нежно-розовая молодая кожа на месте шрама делали Жуньшэна нелепым. За спиной у него снова поползли шепотки и злые смешки, но мальчик упорно не замечал издёвок. Он ушёл в глухую оборону, отгородившись от мира ледяным молчанием.

Вскоре Юйцин наконец понял, что именно надломилось в его друге. Эрмяо больше не лез в драку, когда его мешали с грязью или открыто издевались. Как-то раз на него наскочил Бяньтоу — один из прихвостней Сияньэра. Жуньшэн даже не попытался защититься, безропотно вытерпел несколько хлёстких пощёчин. Бяньтоу, к счастью, не отличался такой лютой злобой, как его вожак. Не встретив ни малейшего отпора, он быстро потерял интерес к «игре» и, прихватив у побитого горсть карманной мелочи, лениво удалился.

Юйцин сам при этом не присутствовал — историю ему пересказал случайно проходивший мимо Маганьэр. Встревоженный Юйцин тут же побежал расспрашивать друга, но тот лишь вяло махнул рукой:

— Да плевать. Какая разница.

Жуньшэн угасал на глазах. Всё чаще он подолгу сидел, уставившись в одну точку обесмысленным взглядом. Юйцин места себе не находил от тревоги. Несколько ночей подряд ему снились кошмары, будто с другом стряслась страшная беда, и он просыпался посреди ночи в холодном поту.

Когда он робко признался в этом Жуньшэну, тот лишь вяло закатил глаза. А секунду спустя вдруг крепко сжал руку Юйцина в своей ладони и тихо предложил:

— Пойдём, я куплю тебе чего-нибудь вкусного.

Юйцин всё ещё не мог отделаться от гнетущего чувства после ночных кошмаров и безвольно замер. Жуньшэн, не дождавшись ответа, замолчал. Он тяжело прислонился к плечу друга, а немного погодя и вовсе опустил голову ему на колени.

В огромном пустом доме стояла звенящая тишина. С пола тянуло прохладой. Юйцин понимал, что дома его заждались, что пора возвращаться и садиться за скрипку, но какая-то непреодолимая сила не позволяла ему нарушить покой друга и произнести заветное «мне пора».

Снегопад за окном незаметно прекратился. Юйцин опустил взгляд: Жуньшэн крепко спал. Юйцин осторожно, едва касаясь, провёл пальцами по шраму на его виске. Сбритые волосы уже начали пробиваться сквозь молодую кожу, покалывая подушечки пальцев жёсткой щетиной.

Потянувшись, он достал с края дивана тёплый плед и бережно укрыл им спящего друга.

<http://bllate.org/book/19415/1959879>